

Druhou část, jak bylo řečeno výše, představuje index lexémů hagiografické památky *Житие Зосимы и Савватия Соловецких* (ss. 35–211). Index obsahuje úplný soupis lexémů (vyjma čísel) ve všech rukopisem doložených formách (tj. i ve zkrácených a samozřejmě v různých pádech a osobách), jejich frekvenci a přesnou lokaci v rukopisu. Index je rozdělen do tří částí. V první části je podán soupis vlastních jmen, ve druhé ostatní slova, ve třetí pak slova chybně zapsaná v rukopisu. Samostatný index chybně zapsaných forem má podle autorů zabránit dohadům, zda se jedná o chybu autora rukopisu či autorů indexu.

Z praktického hlediska se nejeví jako příliš šťastné připojování lexikálních indexů jednotlivých památek k monografiím, jak se dělo i u předešlých publikací, zvláště když na tuto skutečnost nepoukazuje ani titul publikace. Zveřejněný index je pak pro nepoučeného potenciálního uživatele těžko odhalitelný. Snad přiměly autory k této koncepci jiné důvody než jejich vlastní vůle, ale jistě měli zajistit, aby se informace o indexu dostala do titulu.

Závěr, který shrnuje poznatky analýzy verbálního systému, perspektivy a cíle na tomto poli bádání, by bylo bývalo vhodnější umístit na konec vlastní monografie o verbálním systému, nikoli až za index. To je ale jistě pouhá drobnost.

Celý cyklus je nesporným přínosem nejenom pro diachronní rusistiku, ale i slavistiku. Je třeba popřát petrohradským kolegům, aby se jim v brzké době podařilo vydat slovník ke staroruským památkám z období přibližně od poloviny 15. stol. až do počátku 17. stol. a přiblížit jednotlivé morfologické formy z funkčního a stylistického hlediska, což jsou hlavní úkoly, před nimiž jejich tým nyní stojí.

Boris Skalka

Мокиенко, В.М.: Словарь русской бранной лексики (матвизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). АА-ЯЯ. Dieter Lenz Verlag, Berlin 1995, 151 с. (ISBN 3-927114-01-4)

Предметом новой публикации известного слависта-фразеолога профессора В.Мокиенко является экспрессивная лексика, в основном, из до недавнего времени запретной области. Сам автор так определил сферу исследования: 1) вульгарные «нецензурные» слова и выражения; 2) вполне приличные эвфемизмы; 3) жаргонизмы экспрессивно-бранного или эвфемического характера.

Каждой из вышеуказанных единиц, а их в «Словаре русской бранной лексики» свыше четырех тысяч, дается толкование, и она снабжена специальными пометами, отражающими не только социально-профессиональную среду «обитания» (воровской, армейский жаргон, студенческий сленг, жаргон уголовников, картежников, гомосексуалистов, моряков, охотников, железнодорожников, речь проституток; новейшие образования – жаргон «металлистов», митьков, омововцев), но и территориальную закреплённость (московское, ленинградское, смоленское, орловское и т.д.), а также темпоральную характеристику (историческое, устаревшее, новое).

Можно соглашаться или не соглашаться с автором относительно уместности параллельного употребления помет: армейское – военное, неодобрительно – порицательно, новое – современное; недостаточно корректным, с нашей точки зрения, выглядит и использование наряду с «из речи транспортников» помет «из речи шоферов», «из

речи железнодорожников», «из профессиональной речи летчиков»; не совсем понятны и пометы «из системного сленга» и «советское» – имеется в виду в первом случае а) административная система, строй или б) лагерная система (?), но ведь и а), и б) «перекрываются» пометой «советское», однако выбор пометы был, безусловно, продиктован анализируемым материалом.

Отдельные словарные статьи сопровождаются этимологическими изысканиями или комментариями исторического характера, что в значительной степени повышает ценность издания. В этом плане настоящим украшением словаря являются авторские справки к лексемам: *баня, ель, жаба, козёл, куна, то, шайка, шапочка* и др. Углубленные разработки материала в указанном направлении наряду с ранее выполненной работой Б. Успенского (Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии /Семiotика русского мата в историческом освещении/ // Semiotics and the history of Culture. In Honor of Jurij Lotman Studies in Russian. Т. 2. Slavica Publishers Inc. Columbus. Ohio, 1988. 437 p.), но мало доступной, смогли бы удовлетворить читательский интерес.

К сожалению, может быть, и прав ученый, отмечающий, что по употребительности «нецензурные слова и выражения занимают ведущее место в обиходном русском лексиконе» (стр. VI). Можно принять это утверждение, не проецируя его, однако, так категорично на все слои населения, ибо многие ощущают нравственный дискомфорт, сталкиваясь с явлениями суб- и нон-стандарта, хотя, видимо, общая тенденция автором подмечена правильно. Если жаргонизмы и арготизмы присущи определенной социальной и профессиональной группе людей, то нецензурная лексика распространена повсеместно: в студенческих аудиториях, на производстве, в быту, ею пестрит речь персонажей литературных и кинопроизведений. Чтобы узнать, как бороться против такого проявления антикультуры, необходимо знать корни этого явления. Табуированность темы до последнего времени не давала исследователям возможности открыто заниматься изучением указанного лексического слоя, хотя список литературы, отечественной и зарубежной, предваряющий словарь В.М.Мокиенко, свидетельствует о непреходящем интересе к «запретному плоду».

По материалам словаря можно проследить основные направления, по которым осуществляется переворот в языковом сознании, изменение оценочных характеристик понятий, изменение объема понятий и их содержания (см., напр., *баптист* «бабник, ловелас», *тольпан* «глупый, недалекий человек», *сверхурочница* «замужняя проститутка», *шлифовать* «ласкать женщину, поглаживая ее», *гирлянда* «геморрой», *кукурузник* 1) «гомосексуалист», 2) «Н.С.Хрущев», *зубком* «общественный туалет» или еще *багажник, иллюминатор, мотылек, удар, генерал, маршал* и т.д.

Богатейший авторский материал можно было бы пополнить некоторыми дополнениями к толкованию отдельных слов (так, напр., *шерсть* может означать /кроме указанного в словаре/ «непутевый человек», *хозяйка* «швабра», *затруха* «болван», *зажигалка* «несовершеннолетняя проститутка», *тибетчик* «любителю женщин» и др.), а также расширить отдельные семантические поля (напр., с ядерным компонентом 1) **вор**: *князь, аристократ, чеснок, авторитет, лючной/ шнифер, кучер, ползун, очкарь, очкист, Юрик, басила, короед, кассир, змееныш, Махно, краснушник, кабурицки, залетка /залетный/* и др.; 2) **женщина легкого поведения**: *линка, терлово* и др. (см. еще Ю. Дубягин, «Следующая жертва – ты». М., 1995, стр. 267–326). Возможно, во втором издании словаря автор расширит отдельные словарные статьи материалом, активно употребляемым в речи современных носителей языка: *дать /взять/ на понос* «одолжить

что-нибудь для использования /носки/ ношения», *словесный понос* «много и бестолково говорить», *членовоз* (по аналогии с *золотовоз*) «машина, развозящая членов ЦК, правительства», *вчера с дерева /вышки/ слез* «о грубом, некультурном, необразованном человеке» (а не только с *дерева сняли*) и др.

Досадными, в большинстве случаев, техническими погрешностями, легко устранимыми в будущем переиздании, являются: 1) отсутствие отсылочных статей при наличии ссылки на них (см., напр., *ести* → *маковица*; *долбить в дёжку* → *дёжка*); 2) «нераскрытость» семантики отдельных лексем, использованных в переносном смысле при толковании словарной единицы (см., напр., *мотороллер*, в поясняющей части словоформа *спутниками* должна быть объяснена; 3) «безадресность» сравнения (напр., «ср. *глотать живчиков*» /стр. 15/, необходимо: «ср. *живчик*») и др.; 4) неоправданность вынесения некоторых лексем в отдельные словарные статьи при моновалентности их в подобном материале (напр., *задумчивость* и *кабинет*, *войско* и *дырявое*, ср. также *еда*, *быстро*, *гектар* и др.; 5) опечатки (с. XV, 8, 9, 15, 24 и т.д.).

Материалы словаря с лингвострановедческими комментариями и лингвистической расшифровкой могут быть использованы в учебном процессе и, несомненно, вызовут большой интерес не только у специалистов-филологов, но и у работников правоохранительных органов, слушателей специализированных учебных заведений, в иноязычной аудитории.

Галина Миронова